

РАЗЫСКАНИЯ

О забытом
авторе
народной
песни

«ПО ДИКИМ СТЕПЯМ ЗАБАЙКАЛЬЯ...»

С. АНТОНОВ

ЧЕЛОВЕК умер. Вслед за ним постепенно сошли в могилу его друзья и знакомые, а потом — и более молодые: друзья друзей и знакомые знакомых. Похоронили человека на бедном Лазаревском кладбище. Уже в конце 20-х годов писали, что вряд ли кто укажет его могилу. Ну, а теперь и кладбища такого не существует...

А в то же время жили как бы отдельно от него оставленные им народу песни «По диким степям Забайкалья...», «Очаровательные глазки...». Песни эти настолько популярны и любимы, что давно уже считаются народными. А одна из книг его — «Седая старина Москвы» (1893 г.) — и до сих пор ценнейшее издание по старой Москве и, само собой разумеется, большая библиографическая редкость.

Но кто знает ее автора? И я, неблагодарный, много раз снимал с полки этот том, наводил ту или иную справку и ставил книгу обратно, разве что мельком взглянув на фамилию автора: «Какой-то Кондратьев...» Но чем больше читал его, тем более проникался уважением к неизвестному мне автору: находил у него то, чего нет у других историков Москвы.

И мне очень захотелось узнать, что за человек он был, вывалить из безвестности хотя бы крохи биографии, узнать, где жил в Москве, найти какие-то реальные доказательства его жизни. Неужели так-таки ровным счетом ничего и не осталось, кроме того, что ушло в народ?

Иван Белоусов, тоже уже, к сожалению, позабытый, дружил с так называемыми писателями из народа и оставил чуть ли не единственное свидетельство: «С Иваном Кузьмичем Кондратьевым я был лично знаком. Он представлял собой тип тогдашней богемы. Жил в конце Каланчевской улицы, около вокзалов...»

Стоп! Каланчевка была неподалеку от нового дома, куда мы только что переехали. Но вокруг при строительстве стадиона, Новокировского проспекта исчезали не только дома, но и целые кварталы. Все же я отправился на Каланчевскую в поисках дома с мансардой, где в низенькой чердачной комнате бывал у Кондратьева Белоусов. Когда стали видны вокзалы, я утратил внимание. Вдоль тротуара тянется забор, за которым — корпус какого-то предприятия. Потом вдруг дом № 16, а за ним сразу — № 12, двухэтажный, с мансардой в три окна, в самом конце Каланчевской улицы. «Этот!»

Я долго не решался зайти в него. Мне казалось, и, наверное, не без оснований, что мое любопытство будет принято за

праздное. А между тем ко мне — то случайно, то не случайно — стало кое-что набегать об Иване Кузьмиче.

Родился в 1840-х годах в Белоруссии. Судя по одному стихотворению, мать родила его на дороге, когда ходила по деревням, прося подаяния. Мальчика отдали в кантонисты, в солдатскую школу. Позже, как отмечает в книге «Слово правды и добра...» (1976) В. Б. Мурарьев, Кондратьев был актером в бродячих труппах и в конце концов осел в Москве, где и умер в 1904 году. В Москве Кондратьев кормится тем, что пишет для Нижегородского рынка, сотрудничает во многих мелких журналах. Был он, как мы теперь сказали бы, профессиональным писателем, автором бесчисленных стихов, пьес, романов, статей, исторических работ.

Как будто именно его видел и о нем написал Сергей Есенин в своем еще далеко не совершенном стихотворении «Поэт»:
Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень сылого.
И этот шум, душевный шум...
Снесет он завтра за целковый.

В поисках материалов я обратился в ЦГАЛИ. Там обнаружили три письма Кондратьева, адресованных Ф. Д. Нефедову, писателю-народнику, этнографу, редактору журнала «Книжник» и газеты «Русский курьер». Два письма оказались мне особенно примечательными — из них мы узнаем о положении писателя от него самого:

«Москва, 11 декабря 1873 г.

...Обращаюсь к Вам, Филипп Диомидович, с покорнейшей просьбой. Помогите. Я затеваю с одним эфиопом процесс. Мне нужен адвокат, потому что сам, очень понятно, дело вести не в силах. А дело довольно-таки сложное. Суть его вот в чем. На днях вышла из печати и продается за два рубля книга под названием «300 пьес в кратком их содержании для гг. любителей драматического искусства». Книга эта составлена мною и издана Волковской театральной библиотекой, содержимое Репиным. С этим-то Репиным я и хочу воевать. Этот милостивый государь мало того, что почти не заплатил мне за составление этого сборника, состоящего, канешна, из 300 печатных листов, но даже скрыл мою как составителя фамилию...»

Позже вписана просьба о денежном вспомоществовании: она буквально втиснута между строчками. Наверное, непростое и нелегко решился Иван Кузьмич на эту просьбу. Но что делать? Издатели бесовство обманывали, безлезни не оставляли. В дру-

гом письме, к сожалению, без даты, он пишет тому же Нефедову:

«Здоровье мое по-прежнему плохо. Ну да черт с ним. Я не падаю духом и замышляю поставить на Секретаревском театре спектакль. Для спектакля оно мне понадобится пьеска «Одного поля ягода», которая у Вас имеется... Да еще: нет ли у Вас в виду каких-нибудь кабинетных

занятий... Работа в комиссии прекратилась, и я теперь по этому случаю сижу на баобах да в кулак посыстваю. Вместе с пьесной «Одного поля ягода» я хочу поставить и одно из своих драматических детищ. Надеюсь, что Вы не откажетесь украсить такую толпу зрителей своим присутствием».

Безденежье несмотря на усердный и беспрестанный труд, кочевая жизнь, полная зависимость от издателей и антрепренеров, болезни сломали все-таки Ивана Кузьмича. За ним укореняется дурная слава выпивохи, богемы, только и думающего, как распить бутылку-другую.

Известны воспоминания Николая Успенского о Тургенева, Толстом, Некрасове. Написал о них Николай Успенский, как принято считать, необъективно, с бросающимся в глаза озлоблением и ожесточением как бы за неудавшуюся свою жизнь. Вот здесь Иван Кондратьев мог оказать ему дурную услугу. Это именно он повторял Николаю Успенскому:

— Жарь их хорошенько! Разноси этих господ! Влияние влиянием, однако следует взять в толк следующее обстоятельство, одно из многих, из-за которых жизнь Николая Успенского становилась поистине нестерпимой. Злополучные воспоминания он отдал мелкому издателю, который обязался выплачивать автору рубль в день. И Николай Успенский, испытывая унижение, стыд и обиду, должен был являться за этим несчастным рублем каждый день.

Но знал Кондратьев и людей другого круга. В 1887 году вышла лирическая сцена И. К. Кондратьева «Пушкин у Яра». Литографированная обложка этой книжечки сделана по рисунку даровитого Николая Чехова. Кондратьев, как выясняется, дружил и с Михаилом Чеховым. Все это предполагало знакомство Кондратьева и с самим Антоном Чеховым, чему впоследствии нашлись подтверждения. Знакомство и сотрудничество с братьями Чеховыми до сих пор в оценке личности Кондратьева как бы сбрасывались со счетов. Вольно или невольное ее принижали и продолжают принижать.

Так, в содержательной монографии об А. К. Саврасове, вышедшей в 1977 году, Кондратьев упоминается в том, что он дурно влиял на Саврасова, вовлекая в пьянку и похищая его, якобы заработка ради, много раз копировать картину «Грачи прилетели», то есть топтаться в творчестве на месте. Но не мыслим ли мы и здесь по укоренившейся привычке прибавлять великим и славным, отнимая у малых сих и забытых?

К сожалению, Саврасова не нужно было склонять выпить, так сказать, совращать с пути истинно-

го. Почитайте живописные воспоминания о нем В. Гиллярковского.

И почему бы не предположить, что Кондратьев, зная о нищенской жизни академика живописи, спасал его, находя пристойную работу и пристраивая картины в надежные руки.

Зная о быте и жизни Ивана Кондратьева, нельзя не удивиться, как он мог в этих условиях написать «Седую старину Москвы». Работа над ней — это долгие месяцы, может, годы упорного, кропотливого труда, сидения в архивах, чтения неизвестных нам источников, хранившихся в церквях, монастырях, разного рода ведомствах. Все это требовало систематических занятий. Когда же он успевал и на что жил? Легче всего предположить, что

Иван Кузьмич зарабатывал право на писание постановкой обильной продукции Никольскому рынку. Так не будем же слишком строги к этому рода сочинениям Ивана Кузьмича...

Не раз и не два мелькала у меня мысль: «За чем я хожу по старым улицам, роюсь в книгах, обращаюсь в архивы? Кому это надо?»

Но ведь может быть, что в эту самую минуту, и не где-нибудь, а на главной стройке страны, неподалеку от знаменитого озера, строители, собравшись у костра, затают вдруг:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах,
И далее:

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбачную лодку берет,
Унылую песню заводит —
О родине что-то поет...

Песня колдовского очарования, как и многие народные песни, сюжетная, действенная, в отличие от безликих мотыльковых «ляля-ля». Поют и не знают, кто ее написал.

От сознания своего богатства, изобилия гениями и талантами мы удивительно неблагодарны и беспечны к судьбам писателей второго и третьего ряда.

...Оставалось посещение заветного для меня дома, порог которого я почему-то боялся переступить и все копил для этого силы. И вот вновь я оказался у дома — на Каланчевской. Дом доживал свои последние дни. Из одной его части люди были выселены. Вход на мансарду основательно заколочен. На второй этаж вели две лестницы: со двора и с улицы. Между ними — довольно просторный коридор. Вот здесь...

Быстро раскрывались двери, быстрый шаг входил озябший с мороза Иван Кузьмич, потирая руки, взбирался по лестнице: «Экая погодка! Для господ буржеев...»

По этой лестнице, по этому самому коридору тащил молодой Левитан возвращавшихся из Сокольников Саврасова и Кондратьева... Да, это лежит на поверхности и легко представимо. А как Иван Кондратьев создавал «Седую старину Москвы», представить труднее.

Действительно — как?

Я прошелся по коридору раз-другой, мне хотелось как можно дольше побыть в стенах, где ходили, разговаривали, смеялись и шутили Кондратьев, Саврасов, Левитан, Белоусов, возможно — братья Чеховы и еще бог знает кто...

Возвращаясь по переулкам к себе домой, я испытывал, к сожалению, не всем понятную радость. Что-то из своего долга я исполнил...